

Музей нашего детства

Волошин В.

Люди старшего поколения, к коим совсем недавно стал относить себя и я, в детстве поголовно разучивали такие строки:

В воскресный день
С сестрой моей
Мы вышли со двора.
- Я поведу тебя в музей, -
сказала мне сестра.
Вот через площадь мы идем,
И входим, наконец,
В большой красивый
Светлый зал,
Похожий на дворец.

Это начало известного в 50-60-е годы прошлого столетия стихотворения детского писателя, поэта Самуила Маршака, посвященного музею В.И. Ленина в Москве.

Яркое, образное произведение, складно написанное, с хорошими рифмами и картинками-иллюстрациями запомнилось надолго. Но для автора этих строк оно имело особый смысл. В нем я впервые для себя открыл новое слово - музей. Он был и в Таганроге, и назывался просто - краеведческим.

В музей я впервые попал со своими сверстниками летом последнего дошкольного года. Мы бегали по улицам города, заходили то в один двор, то в другой, а когда беготня надоела, кто-то вдруг выпалил: «А давайте в музей сходим!» Все загалдели: «В музей, айда в музей!» Я спросил ребят, а нужны ли для этого деньги? И Вовка, получивший за узкие глазачелочки прозвище «Китаец», не самый старший из нас, но более опытный и пронырливый, со знанием дела ответил: «Детям дошкольного возраста вход без билетов». И мы побежали. Собственно, бежать никуда не надо было, музей находился за углом в 3-х минутах ходьбы от Исполкомовского переуллка, где проживала вся наша дружная гоп-компания.

Здание, в котором в двадцатые годы открылся краеведческий музей, некогда принадлежало семейству купца Алфераки. И в городе его знали, как дом Алфераки. Дворцом его назовут уже в наши дни. В то время у больших резных дверей, переживших и пролетарскую революцию, и годы немецкой оккупации, стояла, подпирая фасад, цельнокаменная баба-изваяние, языческое наследие религиозных предрассудков древних скифов. На газоне перед зданием музея возвышался на постаменте бюст первого председателя Совета солдатских и рабочих депутатов Таганрога, видного большевика Антона Глушко. Посетителей в коридоре встречала экспозиция из археологических раскопок Приазовья и неизменных атрибутов любого музея тех лет - бивней мамонта.

А теперь представьте себе чувства мальчика, впервые увидевшего несметные богатства краеведческого музея, выставленные на всеобщее обозрение. Что запомнилось более всего из того далекого 55-го года? Конечно же, оружие разных времен и любых видов: казацкие шашки и офицерские шпаги, кинжалы и стилеты, пистолы и пищали, пулемет Дегтярева и автомат ППШ, точно такие, как мы видели в кино. А еще память зафиксировала мотоцикл с коляской в центре просторной комнаты, сверкающий черным лаком и хромированными деталями, чучело морского котика (а может, и тюленя) и урну с прахом дрессировщика Дурова. Только тогда мы говорили не «прах», а пепел. Тут же на стене висели венки с траурными лентами, одни - по случаю гибели известного артиста, другие - в связи со смертью вождя мирового пролетариата Владимира Ильича Ленина.

В одной из комнат стоял шоколадного цвета бюст Петра I, и кто-то пустил слух, что в нем находится тайник, который открывается, если одновременно нажать пальцами на веки Петра. И мы каждый раз, приходя в музей, оглядываясь по сторонам, усиленно давили ему на глаза. И, наверное, не одни мы, так как со временем веки императора стали выделяться желтизной чистой меди. Да, чуть не забыл главного. Как только наша шустрая компания появлялась в том или ином зале, к нам тут же подходила дежурная и строго предупреждала: «Руками ничего не трогать!», «На стекло не опираться!», «Не толпиться и не толкаться!», «Громко не разговаривать!»

Вдруг откуда-то прибежал Вовка и завопил: «Пацаны, во дворе пушки! Бежим туда!» И мы ринулись во двор. На площадке перед огромной застекленной стенкой стояли две зеленые 45-мм противотанковые пушки. Что тут началось! Мы залезли на них верхом, дергали за какие-то рычаги, крутили за ручки колесики, заглядывали в жерло ствола, и орал как ненормальные: «Батарея, о-гонь! По немцам, пли!» Наши боевые действия неожиданно прервала появившаяся, откуда ни возьмись, дежурная. Она буквально согнала нас с пушек и потребовала покинуть музей немедленно, а если мы этого не сделаем, то она вызовет милицию. При этих словах мы кинулись бежать со двора, перелезая через старинную решетку ограждения музейного подворья.

После этого наши походы в музей стали регулярными. Каждое воскресенье, как по заведенному ритуалу, мы сначала шли на первый сеанс в кинотеатр, а оттуда заходили в музей. Благо, что на билеты не приходилось тратиться. Через какое-то время нас уже знали как облупленных, нам улыбались, с нами здоровались. Только предупреждали: «Руками ничего не трогать!», «На стекло не опираться!» и так далее.

А вскоре наступили школьные времена. Но интерес к музею не угас, а только окреп на новом витке своего развития. В первый раз мы пошли не только в первый класс, но и впервые в этот год всем классом мы побывали в астрономической сказке XX века - планетарии, который находился в том же музее. Этот восход солнца над яхт-клубом, рассвет и медленное восхождение небесного светила в зенит, его закат где-то за макетами домиков западного поселка забыть невозможно. Пройдет много лет, и на этом месте оборудуют прекрасный двухярусный зал с картинами, камином и старинными часами, где будут проходить концерты, выставки®, торжественные бракосочетания и прочие церемониалы и ассамблеи. Но уже никогда не вернется та сказка, а в памяти останется светящаяся в «ночном небе» стрелка-указка, бегающая по темному своду среди звезд и планет иных миров.

Шли годы. «Мы все учились понемногу, чему-нибудь и как-нибудь», и однажды оказались в пятом классе. А музейная тема неожиданно заиграла новыми красками. И мы переходим к главной части нашего повествования, а все, что было написано до этого, можно считать авторской прелюдией или увертюрой.

Первого сентября 1960/61-го учебного года, придя в школу, мы узнали новость: оказывается, историю у нас будет вести новая учительница Лидия Игнатьевна Таберкина. А через пару дней состоялся ее первый урок. В класс вошла молодая, чуть полноватая женщина в коричневом платье. В руке она держала журнал и какую-то книгу. Как потом выяснилось, это был учебник по истории для 5-х классов. Представившись, она открыла журнал и стала знакомиться отдельно с каждым из нас. Такую процедуру мы называли переключкой, и очень ее любили, так как она сокращала время опроса. Лидия Игнатьевна зачитывала фамилию и называла имя. Дойдя до меня, она почему-то обозвала меня Виталием. Я поправил ее и сказал, что меня зовут Виктор. Она смутилась, повторила правильно мое имя, но... потом всю жизнь, сколько мы были с ней знакомы, все равно называла меня Виталием, не знаю почему. А спросить ее как-то не получалось.

К следующему уроку мы о «новенькой» знали почти все: и что она помимо всего прочего работает научным сотрудником в городском краеведческом музее, и у нее есть маленький сын Павлик, и что она временно живет прямо в музее. Всю эту информацию нам выдали наши девочки. И откуда они это все узнали? Не вдаваясь в ненужные подробности, скажу лишь то, что вскоре весь наш класс с ней сдружился. Лидия Игнатьевна ко всем

относилась одинаково ровно - и к отличникам, и законченным троешникам. Уроки вела очень деликатно и как-то по-особенному мягко, без нажима и надрыва голоса. Мы, затаив дыхание, слушали ее рассказы о древних греках, римлянах, о беспокойных петровских временах на Руси. Однажды она объявила, что следующий урок будет проходить в музее, и стала раздавать всем контрольные вопросы. Мне досталось «восстание Кондратия Булавина».

И вот мы в музее. Одно дело ходить по нему, любясь предметами старины, другое - чувствовать себя в нем как на уроке. Сначала на поставленные вопросы бойко отвечали наши девочки-отличницы, а Лидия Игнатьевна внимательно слушала их, обращала наше внимание на какие-то особые моменты, задавала наводящие вопросы, а потом называла заработанную ими оценку. Все получали пятерки.

Затем настала моя очередь. И я начал рассказывать, как донской казак Кондратий Булавин дошел до такой жизни, что поднял восстание против властей. Мне казалось, что я рассказываю все правильно. Но чем дальше я говорил, тем чаще Лидия Игнатьевна поправляла меня и останавливала там, где я ошибался. Кончилось все тем, что я получил четверку с минусом. А Лидия Игнатьевна укоризненно проговорила: «Огорчил ты меня сегодня, Виталий. Лучше надо было готовиться. Ставлю тебе оценку на бал ниже, до пятерки ты не дотянул». Этот урок я запомнил на всю жизнь.

В истории городского краеведческого музея была довольно интересная полоса, именуемая капитально-восстановительными работами. Музей закрыли на капремонт где-то в 1965-66 году, а завершили его только к ноябрьским праздникам 1971 года. Мой институтский друг, кишиневец Зизька Ройтман, знаток живописи и тяготеющий к искусству, сетовал: «Больше всего жалею, что за пять лет учебы в Таганроге, я не смог посетить ваш музей». Когда после ремонта музей открыли, мы с давним другом детства Борисом ринулись его осматривать. Каково же было наше разочарование, когда мы не обнаружили потолочных росписей, прекрасных цветных плафонов на библейские сюжеты. Преобразился и интерьер залов. На смену «старине глубокой» пришел современный дизайн, стиль «модерн 70-х». Исчезла во многих местах художественная лепнина, зеркала, ряд скульптур убрали в запасники. Наступали новые времена, и музей шагал в ногу со временем.

А научный работник краеведческого музея Лидия Игнатьевна Таберкина проработала у нас в школе ровно полтора года. После зимних каникул (в это время мы уже учились в шестом классе) нам сообщили, что наша любимая учительница уходит от нас на другую работу - инструктором горкома партии. Некоторые девочки так расстроились, что даже плакали.

Почему именно Лидию Игнатьевну забрали в горком, было понятно. Она являлась членом партии, имела высшее образование, могла свободно выступать без бумажки, владела аудиторией и обладала качествами делового, принципиального, а главное, глубоко порядочного человека. И ее заметили. Она прошла путь от инструктора отдела пропаганды и агитации горкома партии до секретаря Октябрьского райкома партии. В середине 80-х годов работала заведующей Домом политпросвещения при ГК КПСС, директором Дома работников просвещения. Ее судьба и работа на партийном поприще заслуживает отдельной публикации, но об этом мы расскажем как-нибудь в другой раз.

Промелькнули годы. Многие в нашей жизни изменилось. Мы выросли, и каждый пошел своим путем. В середине 90-х трагически погиб наш друг детства Вовка-«китаец», 17 октября 2001 года ушла из жизни и наша учительница Лидия Игнатьевна Таберкина. Но навсегда в памяти остался музей нашего детства, таинственный, полный исторических загадок мир, будоражащий воображение.